

В завершении рассмотрения отметим, что, без сомнения, перед нами оригинальное исследование, предлагающее инновационные методы работы с реалиями западного эзотеризма. Расширения применимости нейрокогнитивных исследований в различные его области можно только приветствовать, поскольку такое исследование, как нам кажется, может дать интересные результаты, ведь опытов, сходных с экстатическими практиками каббалы, в истории эзотеризма великое множество. И все же по прочтении книги у читателя остается вопрос: не служит ли столь последовательное обоснование идентичности механизмов мистического опыта и неврологических расстройств к предположению о равной ценности этих переживаний? Иными словами, не является ли мистический опыт лишь формой расстройств, получившей определенный культурный резонанс? В таком предположении мы возвращаемся назад к редукционистским теориям изучения религии и эзотеризма. Очевидно, что авторы не ставили себе задачу обосновать научный редукционизм, они всячески отмежевывались от него, но если не предложено никакой альтернативной гипотезы обоснования валидности мистического опыта, то вывод может напрашиваться сам собой. Подытожив наш обзор, заметим, что книга может быть рекомендована культурологам, психологам, религиоведам, социологам, медикам и всем интересующимся проблематикой изучения мистического опыта.

П.Г. Носачев

Рецензия на: *Harvey G. Food, Sex & Strangers. Understanding Religion as Everyday Life*. Acumen, 2013. 244 p.

Монография Грэма Харви «Еда, секс и незнакомцы: понимая религию как повседневную жизнь» вышла из печати в 2013 году. Сам Харви антрополог, преподает религиоведение в Открытом университете в Великобритании. Его работы по изучению бесписьменных народов уже стали классическими¹, им создана

¹ См.: Harvey G. Animism: Respecting the Living World. – Wakefield Press, 2005; Handbook of Contemporary Animism. Ed. by Harvey G. – Acumen Publishing, 2013, Religions in Focus: New Approaches to Tradition and Contemporary Practices. Ed. by Harvey G. – Equinox Publishing, 2009, и др.

новая теория анимизма (который определяется как «обозначение для попыток жить успешно (live well) в мире, являющемся сообществом личностей, большинство которых является нечеловеческими (other-than-human)», Р. 126). Рецензируемая же работа носит теоретический характер и далеко уходит от антропологических текстов, однако обилие примеров и рассматриваемых кейсов показывает эрудицию автора и его обширный полевой опыт.

Книга Грэма Харви представляет особое направление в изучении живой религии – с одной стороны, он основывается на классических для этой области работах Мередит Макгуайр и Роберта Орси, с другой, на теориях модерна Бруно Латура, Зигмунта Баумана, Шмуэля Эйзенштадта.

Содержание книги достаточно разнообразно и обращено к двум проблемам, которые автор неоднократно эксплицирует: неправильное понимание религии (религия как вера в трансцендентное) и неправильные подходы к ее изучению (в частности, религия противопоставляется рациональности) (Р. 121).

Основной посыл этой книги: религиоведение, стремясь к изучению религии, очень часто «промахивается», очерчивая свой предмет даже не слишком узко, а просто неправильно, ориентируясь на свою весьма специфическую парадигму. Парадигма эта во многом христианоцентрична (Харви даже утверждает, что религиоведы всегда изучали только христианство (Р. 57)) и восходит к нововременной философии (еще более радикальная цитата: «академическое религиоведение во многом было картезианским исследованием протестантизма» (Р. 97)).

Критикует существующее положение дел он в основном за некоторую нормативность, например, религия почти всегда толкуется как позитивное явление, или, учебная литература представляет христианство как самую типичную религию, что расходится, с точки зрения Харви, с фактами. Но точно так же искажено и представление ученых о самих себе. Автор сравнивает нейтральную позицию, приписываемую себе религиоведами, с положением всеведущего Бога в средневековой христианской теологии (Р. 6).

Харви предлагает поразмышлять над тем, что может изучать религиоведение, если оно «отступит от изучения религии

как специфических верований и странных выражений этих верований» (Р. 1). В значительной степени это относится к положению дел в изучении религиоведами христианства: с точки зрения Харви, слишком часто они следуют в своих работах логике теологии, существующим нормам, а не тому, как в реальности реализуются эти предписания. Он предлагает изучать живую религию, мир людей, в котором они живут и который меняется вместе с ними. В такой ситуации изучение христианства не будет отличаться от изучения других религий, ведь оно существует, как и прочие религии, не только в церкви (так называемая народная, «*vernacular*» религия). Тем самым, эта книга встраивается в круг работ по критике религиоведения¹.

Второй важной темой оказывается критика определения религии. Здесь Харви воспроизводит происходящую дискуссию и ставит вопрос о том, «как инкорпорировать секс, гендер, насилие и ханжество в наше определение религии» (Р. 35). С его точки зрения, хорошее определение религии должно включать «относительность, субъективность, материальность, подвижность и локальность» (Р. 203). По большому счету, собственного определения Харви не приводит (следуя достаточно распространенной среди социологов и антропологов тенденции на использование стипулативного, то есть ситуативного определения религии). Отправной точкой для его рассуждений об определении оказывается цитируемая им фраза о народе маори: «цель религиозной деятельности – совершение насилия безнаказанно» (Р. 19). Насилие здесь понимается очень широко, например, сбор плодов или приготовление пищи уже является таковым. Загадочное заглавие книги объясняется тем, что правила, касающиеся пищи и сексуальных отношений, оказываются лейтмотивом в религиях, поскольку «самым драматическим образом отделяют *нас* и *их*» (Р. 220).

¹ См.: Asad T. Genealogies of Religion: Discipline and Reasons of Power in Christianity and Islam. – The Johns Hopkins University Press, 1993; Fitzgerald T. The Ideology of Religious Studies. – Oxford, 2000; Smith J.Z. Imagining Religion. – University Chicago Press, 1982; Smith W.C. The meaning and the end of religion. – Fortress Press, 1991; McCutcheon R. Critics, Not Caretakers: Redescribing the Public Study of Religion. – Albany, NY: SUNY Press, 2001 и многие другие.

Для определения религии оказывается важна и приводимая автором характеристика современной религиозной ситуации. Харви пишет о том, что «продолжающееся расколдовывание мира иллюзорно» (Р. 172), и скорее мы можем говорить о современной культуре не в терминах секуляризации, но эклектики. Вслед за предметом оказываются эклектичными и используемые подходы и методы исследования.

Структура работы вырастает из интересов и опыта автора (первобытные религии, теория анимизма и шаманизма или, например, социальная антропология, в первую очередь, наследие Мэри Дуглас), рассматриваемых в свете приведенных выше целей. Работа состоит из 12 глав. В первой главе описываются методы и определяются основные понятия. Вторая глава ставит вопрос, что может значить слово «религия». Третья называется достаточно провокационно: «Христианство – не религия». Четвертая посвящена проблеме определения религии и ее связи с верой, духовностью, трансценденцией и другими нововременными конструктами. Автор иллюстрирует это на материале пастафарианства. В пятой главе рассматривается реальное существование религии, проблемы изучения воплощенной, материальной религии. Затем эти теоретические выкладки последовательно применяются к кейсам маори, ортодоксальных иудеев, неоязычества, а также к изучению т.н. примитивных религий. В одиннадцатой главе автор возвращается к теме христианства и утверждает, что при изучении христианства как живой религии принципиальные его отличия от другие религий, о которых говорилось выше, теряют значение. В завершение автор предлагает свои выводы о переопределении религии и академических подходов к ее изучению.

Из такого краткого пересказа уже виден возможный недостаток работы. С одной стороны, она содержит невероятное количество полезных сведений, любопытных наблюдений, метких высказываний. С другой, логически выстроенной ее назвать трудно. Автор легко маневрирует по самым различным областям, поражая своей эрудицией и свободой в оперировании фактами. Но неподготовленному читателю погоня за ним в этом интеллектуальном ралли не под силу. Все это не умаляет

многочисленных достоинств книги, ее можно рекомендовать студентам старших курсов и аспирантам для даже не столько знакомства с фактами, сколько для вдохновения и знакомства с по-настоящему современно проблемной литературой.

К.А. Колкунова

Рецензия на: *Гундольф Ф. Парацельс*. СПб.: Владимир Даль, 2015. 191 с.

Нет, наверное, личности в истории медицины и алхимии, о которой писали бы столь же много, как о Парацельсе. Действительно, вклад в историю человеческой мысли швейцарца Теофраста Бомбаста фон Гогенгейма, прозванного Парацельсом, заслуживает самого пристального внимания исследователей и литераторов. Но несмотря на множество работ о Парацельсе, он остается все тем же непревзойденным врачом, таинственным алхимиком и провидцем, споры о котором не утихают.

Книга Ф. Гундольфа «Парацельс», несомненно, будет интересна многим, хотя написана она почти сто лет назад, в 1927 году. Тот, кто захочет найти на ее страницах новые научные данные о жизни и трудах Парацельса, будет, скорее всего, разочарован, ведь совсем не в этом была цель автора.

Фридрих Гундольф (1880-1931) сам по себе личность весьма примечательная. Поэт, литературовед и переводчик, профессор Гейдельбергского университета, выдающийся представитель немецкой культуры периода Веймарской республики, он получил известность благодаря своим работам, посвященным Шекспиру, Цезарю, Гете. Литературоведение, углубленное в историю и произрастающее из философии, – так можно вкратце определить специфику его творчества, хотя об этом выдающемся авторе можно было бы говорить долго и рассматривать его труды подробно и основательно. Биография его достойна отдельной книги. Во время работы Гундольфа в Гейдельбергском университете одним из его учеников был в ту пору никому не известный Йозеф Геббельс. Отплатил он своему учителю вполне предсказуемо. В 1933 году книги Гундольфа – то ли из-за еврейского происхождения автора, то ли из-за его идей – были запрещены, нацисты жгли их.